

К ЭВОЛЮЦИИ ТАКСОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ:
РУССКОЕ *ТИПА* И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Виктория Лазарева

Слово *типа*, производное от таксономического термина *тип*, активно входит в речевой обиход начиная со второй половины XX века, как это засвидетельствовано О.А. Лаптевой.¹ Собранный языковой материал, охватывающий период конца семидесятых – начала восьмидесятых годов XX века, позволил автору проследить процесс эволюции словоформы *типа* в отдельную лексему со значением приблизительного уподобления и констатировать тенденцию к его экспансии в сторону частицы. Этот процесс сегодня с полной уверенностью можно считать завершённым. Словоформа *типа* начинает развиваться в самостоятельную лексему на базе трех генетивных конструкций со значением квалификации объекта по принадлежности к определенному типу: трехчленной конструкции с адъективным квалификатором (*рубашки больничного типа*) и двух субстантивных моделей – с именем нарицательным в родительном падеже (*цветы типа лилий*) и именем собственным в именительном (*корабль типа "Прогресс"*). Адъективная модель, широко употребительная в художественной литературе, характеризуется стилистической нейтральностью, в то время как субстантивные построения – стилистически маркированы. Мигрируя через публицистические жанры из специально-профессиональной в разговорную речь, конструкции специального происхождения наполняются обиходно-бытовой лексикой, что вызывает стилистический диссонанс. Так что в публицистике 70-80-ых гг. XX века подобные употребления часто становятся объектом иронического обыгрывания. Модификации базовых моделей – падежные контаминации, эллипсис управляющего существительного, постепенное разрушение морфо-синтаксических связей вплоть до выхода *типа* из конструкции – подробно описываются Лаптевой, поэтому мы не будем останавливаться детально на данном аспекте, а сошлемся на цитируе-

¹ О. А. Лаптева, *Типа или вроде?*, "Вопросы языкознания", 1983, № 1, с. 39-54.

мую работу автора. Между тем описание семантико-функциональной специфики слова *типа* в разговорной речи может быть уточнено и дополнено в свете новых языковых данных и благодаря возможностям, предоставляемым корпусными технологиями.

Заметим, что на современном этапе развития языка употребления *типа*, связанные с его выходом из конструкции и широко представленные в разговорной речи, считаются ненормативными и ассоциируются с низкой речевой культурой говорящего. В *Большом словаре русской разговорной речи* лексема *типа* приводится в значении частицы с пометой “жарг. крим.” и определяется следующим образом: “Бессодержательный заполнитель пауз, “словесный мусор”, обычно встречается в несколько затрудненной, неразвитой речи, чаще у представителей криминального мира”.² Тем не менее активное употребление данного “словечка” в речи и не только выходцами из преступного мира заслуживает, как представляется, более пристального внимания. Во-первых, в связи с неугасающим в лингвистике интересом к проблеме неопределенности, “расплывчатости” (*vagueness*) как общему свойству языка, в частности к средствам выражения нечеткой номинации, приблизительности.³ И, во-вторых, в свете активных, особенно в западной лингвистике, исследований на материале разных языков, посвященных грамматикализации таксономических терминов и, шире, маркеров приблизительности в дискурсивные слова и отражающих универсальные лингвистические тенденции и когнитивные процессы.⁴ В этом ракурсе исследования

² В. В. Химик, *Большой словарь русской разговорной речи*, СПб., Норинт, 2004.

³ См., например, G. Lakoff, *Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts*, “Journal of Philosophical Logic”, 2, 1973, pp. 458-508; J. Channell, *Vague Language*, Oxford, 1994; а также: С.Л. Сахно, *Приблизительное именование в естественном языке*, “Вопросы языкознания”, № 6, 1983, с. 29-36; Л.А. Гоготошвили, *Непрямое говорение*, М., Языки славянских культур, 2006; С.В. Адамович, *Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения*, Гродно, ГрГУ, 2011; В. И. Подлеская, А.В. Стародубцева, *О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи*, “Вопросы языкознания”, 2013, 3, с. 25-41.

⁴ Из обширного списка литературы по данному вопросу, см., например, I. Buchstaller, *An alternative view of like: its grammaticalisation in conversational american English and beyond*, “Edinburgh working papers in applied linguistics”, 2001, №.11, pp. 21-41; D. Denison, *The grammaticalization of sort of, kind of and type of in English*, доклад, представленный на *New Reflections on Grammaticalization*, 3, University of Santiago de Compostela, July 17-20, 2005; S. Fleischman, M. Yaguello, *Discourse markers across languages: Evidence from English and French*, in *Discourse across languages and cultures*, ed. by C. L. Moder, A. Martinovic-Zic, Amsterdam-Philadelphia, Benjamins, 2004, pp. 129-148; V. Lazareva, S. Giordano,

функциональная специфика слова *типа* раскрывается в совершенном ином аспекте.

Опираясь на корпусные данные, мы позволим себе высказать и некоторые соображения семантико-диахронического характера, когда *типа* еще только начинает распространяться в письменно-литературной речи в составе трех базовых моделей.

Диахронический экскурс

Первые употребления словоформы *типа* в составе трех указанных конструкций фиксируются в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) начиная со второй половины XIX в. Преобладающими оказываются конструкции с адъективом, что вполне естественно, учитывая их стилистическую необусловленность. Как известно, типизация и классификация не являются прерогативой научных практик, а служат важнейшим средством познания окружающей действительности вообще. Сами же механизмы типизации, как отмечает Арутюнова, рутинны, в их основе лежит сравнение, имплицитное отсылку к образцу или примеру.⁵ Первым по значимости объектом, вызывающим потребность в типизации и обнаруживающим черты типа, оказывается человек, что находит отражение и в словарных дефинициях к слову *тип*.⁶ Согласно

M. Voghera, *Il russo tipa alla luce dei principali nuclei funzionali del tipo italiano*, relazione alla II giornata seminariale su Vaghezza intenzionale (Salerno, 7-8 maggio, 2013); W. Mihatsch, *The construction of vagueness: sort of expressions in Romance languages*, in *Aspects of meaning construction meaning: From concepts to utterance*, ed. by G. Radden, K.-M. Köpcke, T. Berg e Peter Siemund, Amsterdam-Philadelphia, Benjamins, 2007, pp. 225-245; S. Romaine, D. Lange, *The use of like as a marker of reported speech and thought: A case of grammaticalization in progress*, "American Speech", 66, 1991, pp. 227-279; M. Voghera, *Da nome tassonomico a segnale discorsivo: una mappa delle costruzioni di tipo in italiano contemporaneo*, "Studi di grammatica italiana", 2014, v. XXXIII, pp. 197-221.

⁵ Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, М., Языки русской культуры, 1999. с. 302.

⁶ Наряду с базовым значением – 1. "Форма, вид чего-н., обладающие определенными признаками, а также образец, к-рому соответствует известная группа предметов, явлений. *Типы рельефов. Славянский т. лица. Т. автомобиля*" – в отдельные значения выделяются: 3. "Разряд, категория людей, объединенных общностью каких-н. внешних или внутренних черт. *Он очень замкнут – я не люблю людей этого типа*"; 4. "Образ, содержащий характерные, обобщенные черты какой-н. группы людей. *Т. руководителя в советской литературе*", ср.: С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*. Под ред. Н.Ю. Шведовой, М., Русский язык, 1989.

корпусным данным, в середине XIX в. адъективная модель специализируется, главным образом, на типизирующей квалификации человека (ср. примеры 1-3), использование конструкции для описания иных объектов, окружающих человека, представлено в этот период изолированными употреблениями (ср. 4, 5):

- (1) Появились кое-какие новые учителя взамен старых, вроде *француза парикмахерского типа* ... [Н. Н. Златовратский. Детские и юные годы. Воспоминания 1845-1864 гг. (1908)];⁷
- (2) Стало быть, нужны для общества и руководители, и проповедники истины, и пропагандисты, словом – *люди рудинского типа* [Н. А. Добролюбов. Когда же придет настоящий день? (1860)];
- (3) *Кутец* этот был так называемого “*рыковского*” *типа*, расширял, улучшал и оживлял местность, а потом оказался на “скамье”. И этого маленького Рыкова превознес народный поэт [Г. И. Успенский. Из цикла “Мельком” (1889)];
- (4) На это я возражу, во-первых, что я по принципу не верю в экспертизу почерков и что, тем не менее, вижу у этой дамы *почерк резко стоячего типа* ... [С. А. Андреевский. Речь на суде по делу о краже изумрудной брошки (1893)];
- (5) Это большой четырехугольный двор, огороженный шестью деревянными *бараками казарменного типа* и забором между ними [А. П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895)].

И хотя рассмотренные номинации не составляют точных, научных классификаций, в случае ощущения говорящим неточности или окказионального характера типизации они допускают дополнительное маркирование. Как, например, в (3), где на приблизительность номинации указывают кавычки и выражение *так называемого*.

Сфера действия субстантивных конструкций в употреблениях второй половины XIX века ограничена преимущественно научными и публицистическими жанрами. Словоформа *типа* в них сохраняет яркую лексичность, оформляя точные номинации с классифицирующим значением, ср.:

- (6) <...> каков бы ни был порядок введения углеродистых групп в *тело типа NH₄Cl*, всегда получаются тождественные продукты ... [А. М. Бутлеров. Теоретические и экспериментальные работы по химии (1851-1886)];
- (7) Лошадей было более 50-ти, между которыми выделялись лошади *типа “Гунтер”* и “*Коб*”, вывезенные из Англии [Неизвестный. Разные известия (1903.3.25), “Новости дня”, 1903];
- (8) В Гамбурге спущен третий гигантский пароход *типа “Imperator”*, названный “*Bismarck*” [События дня (1914.6.21), “Новое время”, 1914].

⁷ В этой части работы примеры приводятся в хронологическом порядке.

Тем не менее изолированные употребления субстантивных моделей в контекстах, отдаленных от специально-профессиональных, в основном это тексты мемуарного и биографического жанра, отмечаются уже в источниках конца XIX века, и протагонистом в них опять оказывается человек, ср.:

(9) Правительственная печать — понятие совершенно немислимое в нашем обществе, ибо, к чести русской журналистики будь сказано, в России не найдется много журналистов типа Цитовича, и если бы даже нашлось, то не оказалось бы читателей [С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей (1886)];

(10) Но это и не резкие удары сатирического бича, и не капризные, кокетливо-истерические арабески из грусти и веселья, слез и смеха, какие бывают у чисто художественных натур типа Гейне [Н. К. Михайловский. Г. И. Успенский как писатель и человек (1886)].

Приведенные выше примеры иллюстрируют наблюдение Н.Д. Арутюновой о продуктивности для таксономии уподобляющих номинаций, когда выделение классов (категорий, типов и под.) происходит через сравнение с образцом или примером, а сам тип задается индивидом.⁸ Дальнейшая экспансия словоформы *типа* идет в направлении нейтрализации отношения включения (общее-частное) и актуализации сравнительного компонента в семантике конструкции. В составе базовых моделей, расширяющих лексическое наполнение за счет лексики, не связанной таксономическими отношениями, *типа* переосмысливается как лексема, функционально приближенная к предлогу,⁹ со значением приблизительного уподобления. Лексико-грамматическая реинтерпретация слова *типа* наиболее очевидна на примере адъективных построений, ср.: (а) *шляпа чаплинского типа* и (б) *шляпа типа чаплинской*. В примере (б) квази-предлог *типа*, оформляющий сравнительно-уподобительные отношения, синонимичен предлогу *вроде*, который также представляет собой застывшее предложно-падежное образование, восходящее к таксономическому термину *род*. Как показано в работе Е.Т. Черкасовой, предлог *вроде* на ранних этапах становления допускал неоднознач-

⁸ Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека...*, с. 302.

⁹ По своим семантико-синтаксическим свойствам *типа* не вполне соответствует предлогу. Например, Е.С. Шереметьева предлагает относить *типа* в указанных употреблениях к особому функциональному классу “отыменных релятивов”. Данный класс включает языковые единицы, выражающие синтаксические отношения, но сохраняющие функционально-грамматическую связь с исходным именем (Е.С. Шереметьева, *Отыменные релятивы современного русского языка*, Дис. докт. филол. наук: 10.2.01, Владивосток, 2011).

ную интерпретацию: *лексическую* и *грамматическую*.¹⁰ Учитывая аналогию между *вроде* и *типа*, а также не столь очевидный характер грамматического переосмысления *типа* в биноминативных конструкциях, нельзя исключать возможность его двойного толкования в употреблениях конца XIX – начала XX вв. Так, например, в приведенных выше примерах с адъективом не вызывает сомнений то, что в (а) *типа* получает лексическую интерпретацию, т.е. как словоформа, производная от лексемы *тип*; а в (б) – грамматическую, т.е. как самостоятельная лексема *типа*, функционально приближенная к предлогу. Между тем сочетание *журналисты типа Цитовича* (см. пример 9) можно интерпретировать по-разному. В зависимости от степени лексической проявленности, ощущения связи с исходным именем, можно различать лексическое и грамматическое понимание *типа*. В случае лексического понимания, *типа* служит лексическим средством оформления таксономических отношений, где правый компонент трехчленной именной группы называет общее, а левый – частное понятие. При этом родительный падеж крайнего правого имени – это родительный принадлежности. Иными словами, *журналисты типа Цитовича* – ‘журналисты, принадлежащие тому же типу, что и Цитович’. Устанавливая отношение включения на основе тождества признаков (*журналисты того же типа*), *типа* стремится к точности. В подобных употреблениях можно усмотреть синтаксически эллиптированные модификации предложений вида: *Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа* [Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)] = ‘Так и люди типа Лопухова и Кирсанова, кажутся одинаковы людям не того типа’. То, что компаративные номинации создают конфликтную ситуацию, отмечает и Н.Д. Арутюнова: указание на объект в них достигается через указание на класс, а указание на класс – через сравнение с конкретным объектом.¹¹ В случае грамматического понимания *типа* служит грамматическим средством установления сравнительно-уподобительных отношений, а родительный падеж правого компонента мотивирован сравнением. Иными словами, *журналисты типа Цитовича* – ‘журналисты вроде Цитовича/подобные Цитовичу’. В данном случае *типа* выражает приблизительное сравнение, лексикализуя сам признак в его основе (подобие по типичным признакам).

Именно данная разновидность употреблений с именем собственным, в которых тип задается индивидом, лучше всего выявляет возможность

¹⁰ Т. Е. Черкасова, *Переход однозначных слов в предлоги*, М., 1967, с. 95.

¹¹ Н. Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, с. 304.

двойственного понимания. По-видимому, это связано с сохранением в конструкции родо-видовых отношений (*люди – человек*), лежащих в основе типологического включения. А словарные толкования лексемы *тип*, как представляется, лишь подтверждают отмеченную неоднозначность. Ср., 3-е знач. *тип*: Разряд, категория людей, объединенных общностью каких-н. внешних или внутренних черт. *Он очень замкнут – я не люблю людей этого типа*. И 6-е знач. уже для словоформы *типа* в знач. предлога с род. п. Вроде, наподобие кого-чего-н. *Люди типа Самгина*.¹²

О сохранении словоформой *типа* субстантивного признака в беспредложной именной конструкции свидетельствуют и ее предложные, пусть и низкочастотные, реализации с предлогом *из*, эксплицирующим отношение принадлежности и включения, ср.:

(11) Первыми в этом ряду оказались, во-первых, военный профессор Кузьмин-Караваев, честолюбец, проявивший себя интригами в Тверском земстве; во-вторых, ново-временский журналист *из типа Иудушек*... [П.Н. Милюков. Воспоминания (1859-1917). Том первый (1940-1943)];

(12) Другая – совсем молоденькая – была *из типа “талантливых неудачниц”*: плохая копия с Марии Башкирцевой [А. В. Амфитеатров. Кельнерша (из сборника “Бабы и дамы”) (1895)];

(13) Он был *из типа “рыб-спутниц”*, ходящих в свите крупных писателей или артистов [Н. А. Тэффи. Моя летопись (1929)];

(14) Сначала такие *стиляги из типа доморощенных “битников”*, наслышавшись определенных интонаций от персонажей западных фильмов или некоторых героев переводной литературы, придают себе вид разочарованный, ушибленный [Л. А. Кассиль. Дело вкуса (1964)].

Всего в основном корпусе было отмечено 14 примеров на данное употребление, первый из которых относится к 1859 году, а последний – к 1964 (примеры 11, 14). Для таких употреблений характерно заключение наименования самого типа в кавычки (ср. примеры 12-14). Как уже отмечалось, это связано с условным характером типологического выделения, указывает на неточность номинации или ее окказиональный, *ad-hoc* характер. Так что наложение на формулу точной типологической квалификации значения приблизительности получает здесь наглядное выражение в виде кавычек. Впоследствии эту функцию возьмет на себя слово *типа*. Вообще говоря, некоторые разговорные употребления *типа*, как будет показано далее, обнаруживают явную аналогию с употреблением кавычек в письменной речи. Устный подкорпус не дал результатов

¹² С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, цит.

по данному поисковому запросу. Неэкономная предложная модель с классифицирующим *типа*, не подлежащим переосмыслению, остается невостребованной в разговорной речи. На основании полученных данных можно судить о нейтрализации субстантивного признака у *типа* ко второй половине XX века, как раз к началу процесса выхода *типа* из конструкции, проиллюстрированного в работе О.А. Лаптевой на языковом материале периода 1977-1982 гг.

Отметим, что актуализация значения подобия также возможна за счет предложно-падежного употребления лексемы *тип – по типу*, т.е. ‘по образцу, по модели’. По данным НКРЯ, данное сочетание в указанном значении распространяется к концу XIX столетия, более частотно, чем *из типа* и до сих пор не вышло из употребления. Показательно, что *по типу* переходит и в разговорную речь со значением приблизительноного уподобления, т.е. как синоним предлога *вроде* (ср. пример 17). В разговорном подкорпусе зафиксирован случай падежной контаминации *по типу* и *типа* на основе общности значения – *по типу* (ср. пример 18). Более того, *по типу* может функционировать в разговорной речи как застывшее предложно-именное сочетание в тех же значениях, что и *типа*. Например, в функции маркера цитаты (см. пример (19)). Примечательно, что сочетание *из типа* не выходит за рамки описания человека (ср. примеры 11-14), в то время как *по типу* включается в самые разные лексические контексты, ср.:

(15) Сельские церкви *по типу Пантеона* [Д. Н. Анучин. Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги (1891)];

(16) Он уже побывал у моих друзей и объявил им, что приехал предложить мне издание новой русской газеты *по типу “Revolte”* [П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)];

(17) [О., жен, 22] А вот “Шатер” в коробках. какие? [К., муж, 28] А? [О., жен, 22] “Шатер”. [П., муж, 50] Ну это тоже *по типу “колпачка”*. [К., муж, 28] Ну как “колпачок”. Ну “колпачок” вкусные... конфеты [Разговор родственников // Из материалов Саратовского университета, 1989];

(18) [№ 1, жен, 19] А с кабанами *по типу Стасика* я и так разберусь [Телефонные разговоры московских студенток // Из коллекции НКРЯ, 2007];

(19) [Кристина, жен, 16] Сначала он мне всякую шнягу скидывает *по типу* “Я тебя жду” / “Мы супердрузья” / а потом... [Разговор подруг // Из коллекции НКРЯ, 2007].

Таким образом, типологическая квалификация человека выступает связывающим контекстом в процессе эволюции словоформы *типа* в самостоятельную лексему. Дальнейшая степень нейтрализация именно этого компонента в семантике *типа* регулируется прежде всего лексическим характером его окружения. Рассмотрим следующие примеры:

(20) С этой целью в Шанхае была открыта *одна школа типа японских нормальных школ*, и сделаны приготовления к открытию таких же школ во всех главных городах Китая [В. Д. Черевков. Из жизни Дальнего Востока // “Исторический вестник”, 1902];

(21) Дикie нравы 28 июня около дома, где помещаются музыкальные классы (на Дворянской ул.) нам пришлось наблюдать такую сцену. *Субъект – типа босяка* сводил счеты со своей сожительницей [неизвестный. Дикie нравы (1907.7.13) // “Время” (Томск), 1907];

(22) За спиной у Векшина сверкала ярко освещенная витрина, полная всевозможных ювелирных соблазнов: кольца и броши с драгоценными камнями *типа обсоленных леденцов* ... [Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927)].

В примере (20) трактовка сочетания с *типа* однозначна: *одна школа типа японских нормальных школ* = *одна школа по типу японских нормальных школ*. А в (21) выражение *субъект – типа босяка*, как кажется, допускает двойную интерпретацию: (а) лексическую – *субъект из типа босяков* и (б) *субъект по типу босяка*. Нейтрализация именной составляющей словоформы *типа* тем более очевидна в случае метафорического сравнения, как в (22). Очень современное употребление иллюстрирует пример (23), где *типа* выступает в роли аппроксиматора, а ощущение неточности, завуалированности номинации с *типа* явно эксплицируется в контексте, ср.:

(23) Листок Тип портвейна – не портвейн. Как известно, портвейн сопричислен к крепким виноградным винам и поэтому продажа его запрещена, но торговцы русскими виноградными винами считают, что название “портвейн” одно, а название “*типа портвейна*” другое и под последней кличкой продают то, что раньше называли “портвейном”. Так то рассуждая, можно пустить в ход и “*типа коньяка*” [Листок (1914.11.04), “Петроградский листок”, 1914].

Следует отметить, что на материале итальянского языка конца XIX – начала XX вв. в составе генетивных конструкций со значением уподобления отмечены аналогичные описанным выше предложные сочетания (*del tipo di* ‘из типа кого? чего?’; *a tipo di*; *sul tipo di* ‘по типу кого? чего?’). Согласно М. Вогере, именно данные структуры знаменуют в итальянском языке переходный этап в сторону декатегоризации *tipo* ‘типа’ и утраты им номинального компонента. Итальянское *tipa* интегрируется в предложное сочетание со значением ‘подобный, похожий’.¹³ Историческое развитие предложных сочетаний *из типа*, *по типу* заслуживает более углубленного исследования.

Краткий диахронический экскурс показал, что процесс эволюции русского *типа* в самостоятельную лексему, связанный с его переосмы-

¹³ М. Voghera, *Da nome tassonomico a segnale discorsivo*, p. 203.

слением в составе генетивных структур с квалифицирующим значением, начинается в конце XIX – начале XX вв., т.е. параллельно с аналогичными процессами, отмеченными на материале и других языков.¹⁴

Итак, на базе субъективных по своей природе квалифицирующе-уподобительных отношений *tuna* наращивает свой прагматический потенциал маркера приблизительности. Свойство слов со значением подобия переходить в аппроксиматоры хорошо известно.¹⁵ Грамматикализованная форма *tuna* с квазипредложным статусом эволюционирует в дискурсивное слово, или дискурсивный маркер. Последние, хотя и сближаются по ряду свойств с грамматическими показателями, традиционно таковыми не считаются, поэтому развитие у *tuna* дискурсивных значений, на наш взгляд, лучше определяется через понятие прагматикализации, сравнительно недавно вошедшее в лингвистический обиход, ср.: “Прагматикализация – это процесс, в ходе которого синтагмы или словоформы в определенном контексте изменяют свое пропозициональное значение в пользу преимущественно метакоммуникативного, дискурсивного значения”.¹⁶ В качестве дискурсивного маркера *tuna* обнаруживает все сопутствующие прагматикализации признаки, а именно: высокую частотность; фонетическую редукцию (*tuno*); синтаксическое обособление; соприсутствие в тексте в разных функциях (лексической и прагматической); возможность опущения без ущерба для пропозиционального содержания.¹⁷ Хорошо известно также свойство дискурсивных слов накапливаться в одном фразовом сегменте. В этом отношении *tuna* не составляет исключения, что, по мнению О.А. Лаптевой, является отражением его семантической несостоятельности: “*tuna* не в состоянии выразить все те значения, на которые претендует. Оно может быть изъято из предложения без потери смысла, особенно, когда в предложении присутствуют синонимичные слова (*вроде* и *под.*)”.¹⁸ Существует и иная точка зрения, согласно которой соприсутствие и функциональное наложение дискурсивных маркеров связано с их многозначностью. В каждом отдельном случае они реализуют ту

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. библиографические ссылки в сносках 3, 4.

¹⁶ В. Frank-Job, *A dynamic-interactional approach to discourse markers*, in *Approaches to Discourse Markers*, Amsterdam, Elsevier, 2006, p. 397.

¹⁷ Там же: 400.

¹⁸ О. А. Лаптева, *Tuna или вроде?*, цит., с. 51.

или иную прагматическую функцию.¹⁹ Более того, *типа* представляет и иной вид многозначности, – “в диахронии”, сохраняя все те возможности употребления, которые сопутствовали процессу эволюции словоформы *типа* в самостоятельную лексему.

Прежде чем перейти к рассмотрению функциональных разновидностей лексемы *типа* в разговорной речи, выделенных на данном этапе исследования, следует отметить, что в силу полифункциональности данного слова не всегда возможно четкое и однозначное разграничение функциональных подтипов.²⁰ Поэтому при построении классификации мы будем ориентироваться на доминирующее значение, оговаривая семантико-функциональные наложения и отмечая другие возможные интерпретации.

Функциональные разновидности лексемы *типа*

I. Аппроксимация. *Типа* – аппроксиматор

В этой группе объединены употребления, в которых *типа* выступает в роли аппроксиматора на разных уровнях: (а) пропозиционального содержания; (б) иллокутивной силы высказывания; (в) дейктических параметров высказывания.²¹ В этом значении *типа* функционирует как своего рода оператор сдвига (номинативного, иллокутивного или дейктического), или непрямого прочтения.

(а) *Типа* – пропозициональный аппроксиматор (заместители – предлоги *вроде, наподобие*)

В роли аппроксиматора пропозиционального содержания *типа* указывает на неточность номинации в связи с ее неполным соответствием обозначаемому (объекту, признаку, количеству и т.д.). Примеры ниже

¹⁹ Об этом см., например, S. Fleishman, *Pragmatic markers in comparative perspective: A contribution to cross-language pragmatics*, доклад, представленный на конференции PragMa 99, 1999, Tel Aviv; B. Frank-Job, *A dynamic-interactional approach*, cit., p. 396.

²⁰ Преобладающее большинство примеров взято из подкорпуса устной речи НКРЯ, незначительное число – из основного корпуса (из художественных и публицистических текстов).

²¹ В основу такого выделения типов аппроксимации положена классификация видов коммуникативного смягчения, или митигации, предложенная в работе С. Caffi, *Mitigation*, Amsterdam, Elsevier, 2007. Коммуникативные функции (а) и (б) определяются в лингвистике также термином *hedge/hedging*, вошедшим в лингвистический обиход благодаря работе G. Lakoff, *Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts*, cit.

хорошо иллюстрируют комбинирование разноуровневых средств аппроксимации: лексических (*такой, так сказать*) и синтаксических (*или, или; что ли*), ср.:

(24) [Серов, муж, 40] Там тоже коммунальная квартира была / да. Большая / коммунальная / я вот до... я этот дом хорошо помню / дом с-с... модерн. *Типа модерн*. Такой доходный дом [Воспоминания о прошлом А. Серова // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999, 1993];

(25) В ходе семинара нам дали / так сказать... Ну *типа* / социальные проекты. Мы должны были их защищать [Рассказ об общественной работе (2006)];

(26) Про эту всеобщую любовь Мо говорил, что все беспорядки в мире возникают именно потому, что между людьми ее дико мало, в общем, странная это была любовь, *типа дружеская*, что ли, или к родителям, или между согражданами, так сказать, а вовсе не любовь между мужчиной и женщиной [М. Кучерская, Тетя Мотя].

Представляется возможным отнести к аппроксимативным употреблению *типа* при сравнительном *как*, где *как* вводит сравнение, а *типа* ослабляет степень ассерции, ср.:

(27) Багзи, я читала и не в одном источнике, что они хотят в США, Мексике и еще в каких-то странах делать единую валюту Американо (вроде), *типа как евро*, но в американских странах [Финансовый кризис и как нас это коснется (форум) (2008)];

(28) У меня в подъезде живет священник-азербайджанец <...> / он *типа как святой* / он провожает в последний путь только своих земляков [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд "Общественное мнение", 2001].

Сочетание *типа как*, вообще говоря, плеонастично, поскольку *типа* самостоятельно может оформлять отношение приблизительного уподобления. Показательны употребления, где *типа* вводится уже после сравнительного *как*. В примерах ниже говорящий, неуверенный в точности сравнения, делает паузу, а затем вводит *типа* для градуации сравнения. В таких контекстах можно интерпретировать *типа* и как заполнитель паузы. Однако о более точной интерпретации можно судить только по звуковой записи примеров, ср.:

(29) Ну он сказал / что он стал переписывать / там уже... ну... в процессе пошла какая-то полоска... ну... на пол-экрана / *как / типа / смазано* [Разговор трех подруг (2005)];

(30) [Анна, жен, 42] Ну вот это вот / во-во! Нажми / ведь там же *как / типа / сканирование / ну / попробуй...* [Разговор о фотографиях (2006)].

В случае количественной аппроксимации заместителями *типа* могут быть наречия *около, где-то, примерно* и под. Например:

(31) Спустя *tuna* неделю там приходит на Эхо Москвы письмо ... [Беседа с журналистом Станиславом Кулибиным // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2002];

(32) [Гребенщиков] Да в это полнолуние / в это полнолуние. Совсем недавно... Одиннадцатого числа? *Tuna* в районе одиннадцатого числа / по-моему. Может девятого... [Борис Гребенщиков. Пресс-конференция Б. Гребенщикова // Интернет, 2003].

(б) *Tuna* – иллокутивный аппроксиматор

В следующей группе примеров *tuna* в функции аппроксиматора ориентировано на снижение иллокутивной силы высказывания, т.е. служит коммуникативной стратегией смягчения, или митигации. К средствам коммуникативного смягчения говорящий прибегает для снижения коммуникативных рисков, предотвращения конфликта. К потенциально конфликтогенным ситуациям относятся, в частности, вопросы, просьбы, а также высказывание критических замечаний. В примере (33) говорящий, употребляя *tuna*, умаляет важность, существенность сказанного на случай неосведомленности собеседника. Это значение развивается у *tuna* на основе семантики отчуждения. Дистанцирование говорящего возможно в ответных репликах при нежелании отвечать, ср., например, уклончивый ответ в (34). В (35) *tuna* сигнализирует о закрытии реплики и желании говорящего смягчить ее критического содержания, ср.:

(33) [Студентка2, жен, 20] А ты *tuna* не в курсе / какая в Москве конкуренция? [Студентка1, жен, 20] Да нет / почему же? В курсе. Только вот мне кажется / что она тут как-то здоровее / что ли [Разговор о будущем, Москва // Воротникова, 2005];

(34) – Ничего, – сказала я неуверенно. Что может сказать вытолканный из дому человек? – А ты... живешь здесь – вроде того? – *Tuna* да-аа, – сказала я уклончиво [Кира Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003)];

(35) [Константин Олешкевич, муж] Ну / что я хотел бы сказать по изложенной теории. Ну/ я человек этический/ и что мне в ней не нравится. Не нравится мне то что/ она как бы... предпосылки достаточно интересные/ логичные/ стройные/ системные/ но вывод какой-то вот неоптимистичный/ типа вот... [Александр Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)].

(в) *Tuna* – дейктический аппроксиматор (заместители – союзы *как будто, как будто бы, якобы*)

В данном виде употреблений *tuna* дает инструкцию на перестройку модуса восприятия в координатах фиктивности. К модусу фиктивности можно отнести имитацию, симуляцию (36, 37), ложь, фальсификацию (38, 39), ср.:

(36) Это актерское искусство мы стали осваивать еще в детстве. Я *типа* кидаю что-то Каспару, и он прячется [Наталья Зайцева. Как это будет по-русски // “Русский репортер”, 2014];

(37) [№ 5, муж, 22] Просто недавно / месяц / может / назад была передача / как относятся у нас люди к терактам. И сделали сверток такой / *типа торт* / туда положили две книжки и оставили в автобусе [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд “Общественное мнение”, 2003];

(38) Контролер пришел, но Кирилл вовремя спрятался в туалете. В другой раз Фил как бы невзначай предложил ему выйти в тамбур “*типа покурить*”, а потом незаметно вернуться [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)];

(39) [Космос, Дмитрий Дюжев, муж, 24, 1978] <...> С утра собираем всех / и ты с Саней едешь в Ялту. Ну *типа каскадёрить* [Алексей Сидоров, Игорь Порублев. Бригада, к/ф (2002)].

К дейктической аппроксимации можно отнести и употребления *типа* при вводе пересказа какого-либо сюжета. В таких контекстах *типа* маркирует сдвиг пространственно-временных координат с действительных, актуальных для говорящего, на координаты вымышленного текста. В (40, 41) после *типа* употребляется настоящее повествовательное время, придающее большую выразительность и “картинность” высказыванию. В примерах ниже функцию *типа* можно определить и как фокус на репрезентацию, ср.:

(40) [Рита, жен, 20] Кофе! Кофе он рекламирует! Там такой сюжет / что / *типа*... заезжает он в бокс на заправку / и тут ему кофе приносят... [Разговоры на прогулке // Из коллекции НКРЯ, 2006];

(41) [Олеся ???] В общем / начинается музыка / и Золушка убирается / а сестры с мачехой собираются на бал. Ругают / орут на нее. Она *типа* плачет и все такое. [О школьном представлении // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

(42) [Маша, жен, 18] Скажи сюжет. [Саша, муж, 21] А-а / сюжет. Ну / *типа* / создали люди ИИ / ну / будущее / ИИ создали / искусственный интеллект / и / ну / как во всех фильмах / он осознал / что он может сам по себе быть / без человека [Пересказ фильма // Из материалов Ульяновского университета, 2006].

С фиктивными пересекаются оценочные употребления, когда *типа* вводит слово или выражение, описывающие желаемую, но не соответствующую, по мнению говорящего, действительности ситуацию. Данный тип употреблений близок к “полемическим” кавычкам, заключающим ложное, по мнению говорящего, утверждение. В (43) говорящий разоблачает намерение третьего лица, выражая при этом свое несогласие, скептически-ироническое отношение, ср.:

(43) Не иначе как в память о своем деревенском детстве нынешние производители выпускают бумагу “ЛОПУШОК” (в Тюмени и Раменском). Бумажники по-

чему-то любят давать всякие игривые названия своей продукции, *типа демонстрируя чувство юмора*. <...> Упаковка туалетной бумаги “СНЕЖОК (индивидуальный)” <...> почему-то сплошь изукрашена кактусами в горшках [Антон АЛОВ. Золушка с втулкой ищет принца с болтом // Комсомольская правда, 2012.7.19].

В следующих примерах речь идет о неоправданном ожидании говорящего, а “разоблачающее”²² *типа* сигнализирует о непрямом, противоположном прочтении последующего слова. В (44) примечательно совместное употребление *типа* и кавычек в письменной речи, подтверждающее их синонимию. Подобные употребления можно рассматривать как “самофальсификации”,²³ ср.:

(44) В общем, господа, кто привык к другому сервису и человеческому отношению, – вам не сюда! Отелей вокруг других море! Я двести раз пожалела, что из-за кризиса *типа “сэкономила”*, вот и получила “удовольствие” по полной программе! [Интернет-форум];

(45) Я *типа запомнила*, ну то есть я думала, что уже не забуду, а потом забыла [ЛКА].²⁴

К дейктической аппроксимации в определенном смысле относится и следующая макрогруппа – цитирование, где *типа* выступает в роли ксенопоказателя, маркируя сдвиг в субъектной организации высказывания. Тем не менее мы предпочли вынести это значение в отдельную группу.

II. Цитирование. *Типа* – ксенопоказатель

Известно, что аппроксимативное введение чужой речи является типичной функцией для ряда дискурсивных слов с компаративной функцией (англ. *like*, яп. *nado* и др.).²⁵ В качестве показателя чужой речи *типа* неоднократно упоминалось исследователями в ряду других ксенопоказа-

²² По аналогии с “разоблачающей” функцией кавычек. О “полемической” и “разоблачающей” функциях кавычек подробнее см. Анна А. Зализняк, *Семантика кавычек*. Труды Международного семинара Диалог 2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, М., 2007.

²³ Подробнее о самофальсификации в повседневной речи см. Т.Н. Булыгина, А.Д. Шмелев, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, М., Языки русской культуры, 1997, с. 455-460.

²⁴ Сокращение ЛКА (личный корпус автора) принято для обозначения примеров, записанных автором.

²⁵ S. Romaine, D. Lange, *The use of like as a marker of reported speech and thought*, cit.; В.И. Подлеская, А.В. Стародубцева, *О грамматике средств выражения нечеткой номинации*, цит., с. 38.

телей,²⁶ однако, более углубленного исследования, посвященного употреблению *типа* в этой функции, насколько нам известно, не проводилось. Исключение составляет работа Т. Дайбера, который анализирует *типа* на фоне других, довольно хорошо изученных частиц *мол* и *дескать*,²⁷ в связи с категорией эвиденциальности. В настоящей работе *типа* рассматривается как показатель цитирования, когда говорящий передает ответственность за содержание сказанного цитируемому лицу. Между тем, как уточняет Е.В. Падучева, в сфере эвиденциальности говорящий разделяет с неким лицом ответственность за истинность высказанной пропозиции.²⁸

Под цитированием в широком смысле понимается отстранение говорящего от авторства при передаче не только вербально, но и невербально выраженной информации. К невербальным способам передачи информации относятся разнообразные жестовые и поведенческие, эмоционально-психологические манифестации, которые при цитировании могут переводиться в речевой план, либо воспроизводятся через имитацию или описательно.

(а) Цитирование речевого содержания

Собранный нами языковой материал можно разделить на две подгруппы на основе критерия эллиптируемости *типа*.

В первой группе примеров *типа* является единственным ксенопоказателем при косвенном цитировании,²⁹ маркирует сдвиг в субъектной

²⁶ См., напр., И.Б. Левонтина, *Пересказывательность в русском языке*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог 2010, с. 284-288; Т. Daiber, *Quotativemarker im Russischen* (типо / типа), "Zeitschrift für Slawistik", 55 (1), 2010, pp. 69-89; В.И. Подлеская, А.В. Стародубцева, *О грамматике средств выражения нечеткой номинации*, цит., с. 32.

²⁷ А.Н. Баранов, *Заметки о дескать и мол*, "Вопросы языкознания", 1994, No 4. с. 114-124; Н.Д. Арутюнова, *Показатели чужой речи: де, дескать, мол*, в: *Язык о языке*, под ред. Н.Д. Арутюновой, М., 2000; В.А. Плунгян, *О показателях чужой речи и недо-стоверности в русском языке: мол, якобы и другие*, в: В. Wiemer, V.A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*, "Wiener Slawistischer Almanach", Sonderband 72. München, Sagner, 2008. pp. 285-311; Е.В. Падучева, *Показатели чужой речи: мол и дескать*, "Известия РАН. Серия литературы и языка", Т. 70, N. 3, 2011. с. 13-19.

²⁸ Е.В. Падучева, *Показатели чужой речи: мол и дескать*, цит.

²⁹ О критериях разграничения типов цитирования см., например, А.А. Кибрик, В.И. Подлеская (ред.). *Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*. М., Языки славянских культур, 2009, с. 293-299.

перспективе, т.е. необходимости разграничения субъекта речи и субъекта номинации. В таких контекстах опущение *типа* недопустимо без нарушения субъектной организации высказывания. В этом значении *типа* восполняет ту функцию, которую выполняют кавычки в письменной речи.³⁰ Как правило, *типа* сочетается здесь с другими средствами выражения неточности, приблизительности. Например, неопределенными местоимениями (*какой-то*); союзами *то...*, *то...*; *то ли...*, *то ли...*; конструкциями неполного перечисления, или открытого списка (*все такое, там все дела*),³¹ ср.:

(46) [Даша, жен, 18] Да я вот телевизор смотрю. А вот это я Ольге говорю может все таки приедешь? Она *типа* устала все такое <...> [Телефонные разговоры студентов // Из коллекции Ульяновского университета, 2008-2009];

(47) Там чё телефона нету? [1 ???] Да она отца всё пасёт... [№ 2, муж, 24] <...> а чё домой нельзя позвонить? [1 ???] Да он / *типа* / то спит / то не слышит... [смех] то / *типа* / на работе задержался [Разговор в баре // Из коллекции НКРЯ, 2006].

Употребление ксенопоказателя *типа* характерно для “потому что” контекстов, когда говорящий, поясняя или аргументируя что-либо, желает подчеркнуть, что апеллирует при этом не собственными знаниями, ср.:

(48) Так давай его потом обсудим! Фишка в том / что у него уже давно идея нарастить себе волосы / *типа* для имиджа ему надо / чтобы более запоминающимся на сцене быть и всё такое... [Разговор подруг // Из коллекции НКРЯ, 2007];

(49) [Ольга, жен, 21] Дерьмо / по-моему / какое-то / да? [Павел, муж, 20] Мне понравилось. [Ольга, жен, 21] А что оно такое твердое? [Павел, муж, 20] *Типа* специальное. Это они едят только по праздникам вообще. Просто так не едят [Праздная беседа // Из коллекции НКРЯ, 2005];

(50) Там какой-то пол сделали новый / там сразу запретили ходить в обуви какой-то там... То ли в черной / то ли в коричневой. *Типа* красится [Телефонные разговоры московских студентов (2008)].

Вообще говоря, выражение пояснительных отношений является одной из функций *типа* как на уровне конструкции (*большой магазин, типа универсама*), так и на уровне высказывания (об этом речь пойдет ниже). Таким образом, в примерах (48-50) происходит совмещение дис-

³⁰ На то, что ксенопоказатели (*мол, дескать и де*) выполняют функцию кавычек при введении прямой речи и обозначении границ чужого текста, обращал внимание Б.А. Успенский, *Семиотика искусства*, М., 1995. с. 53.

³¹ Подробнее об этом см. В. И. Подлеская, А. В. Стародубцева, *О грамматике средств выражения*, цит., с. 35.

курсивной функции *типа*-ксенопоказателя и *типа*-связки, функционально приближенного к союзу. В таких контекстах *типа* может замещаться союзами *потому что*, *поскольку* и *под*.

Для второй группы примеров характерно комбинирование дискурсивного маркера *типа* с другими показателями чужой речи (*такой*, *мол* – ср. примеры 51-53), с эллиптированными или эксплицированными глаголами говорения и, *шире*, – перцепции (примеры 53-55). При этом *типа* встречается при прямой и косвенной цитации, а также автоцитации. В употреблении данной подгруппы в плане маркирования цитирования *типа* оказывается избыточным и может опускаться без нарушения субъектной ориентированности высказывания. При наличии иных, кроме *типа*, сигналов, диагностирующих цитирование, прагматическая нагрузка *типа* может распределяться по-разному. Допустимы следующие интерпретации: в (52) *типа* маркирует приблизительный характер воспроизводимой речевой информации, отражая неточность при восприятии (*что-то кричит*); в (53, 55) – выполняет, скорее, фокусирующую функцию, маркируя коммуникативно значимую информацию,³² а в примере (54) с автоцитацией функция *типа* приближается к изобразительной, ср.:

(51) Ну мы потом звонили ее брату / *типа* там / где твоя сестра ваще? Он такой / *типа* / “Она дома / все в порядке” [Разговоры на работе // Из коллекции НКРЯ, 2007];

(52) Он ревет, мама его бежит, чтобы мазать колушая совершенно бесполезной зеленкой, моя мама что-то кричит ей из окна – *типа*, мол, надо пописать ему на лицо, верное народное средство [Борис Минаев. Детство Левы (2001)];

(53) Она grit / “Тань / grit / ну вещи / *типа* мол / сюда” [Разговор о работе (2007)];

(54) [Татьяна, жен, 40] А я ему *типа* / “Верни мне стол и тумбочку поставь назад”. То есть я выпендрилась так / а он пошел на вред [Настя, жен, 19] [Разговор о работе // Из коллекции НКРЯ, 2007];

(55) [Марина, жен] Ну / говорили по этому... по телеку... показывали / *типа* / наоборот похолодание будет / там все дела... [Разговор в компании подруг (2008)].

Высоко-частотные употребления *типа*-ксенопоказателя в разговорной речи можно расценивать как тенденцию к его специализации в роли маркера чередования реплик диалога.

³² Подобное наблюдение было высказано А.Н. Барановым, предположившим, что ксенопоказатель *де* может выступать в роли маркера коммуникативной организации смысла высказывания, ср.: А.Н. Баранов, *Заметки о дескать и мол*, цит., с. 123.

(б) Речевое цитирование мысли или поведения

В качестве частной разновидности цитации, как отмечалось выше, принято рассматривать смысловую интерпретацию и вербализацию мысли или поведения другого. Как показывают примеры ниже, *типа* маркирует как прямое цитирование, т.е. без изменения дейктических ссылок (58-60), так и косвенное. В случаях косвенного цитирования, когда цитация представляет собой синтаксически подчиненное предложение, *типа* функционально сближается с союзом (ср. в 56, 57 *типа* = ‘как будто’).

Рассмотренный языковой материал показал, что для речевой репрезентации невербального поведения предпочтение отдается прямой форме цитирования, поскольку именно она позволяет более образно передать эмоциональную и оценочную составляющую “невысказанного”, т.е. форму речи. Как заметила Е.В. Падучева, подобные контексты уместно толковать как пересказ “речи”, а не интерпретацию мнения, поскольку говорящий выступает в них как “слушающий”.³³ Действительно, при переводе невербально полученной информации в речь акцент делается не только на содержании, но и на речевой манере, ярко его характеризующей. Следующие слова очень точно описывают данный тип употреблений: “[чужие слова] остраиваются именно в том направлении, в каком это нужно автору; они овеществляются, их колоритность выступает ярче, а в то же время на них ложатся тона авторского отношения – иронии, юмора и пр. <...> Здесь говорящая личность уже сгущается до образа”.³⁴ Такие цитаты иногда напоминают миметические репрезентации, функция *типа* в них приближается к образительной (ср. 60). Вообще говоря, цитата здесь приводится в качестве пояснительной иллюстрации, поэтому в данных употреблениях реализуется потенциал *типа*-ксенопоказателя и пояснительной связки (о *типа*-связке см. ниже):

(56) Ну / она [нрзб] когда отвечаю / то в окно смотрит там / то лицо такое делает / *типа* я тупая [Разговор студентки и школьницы об учебе // Из коллекции Ульяновского университета, 2009];

(57) Андрей работал всю неделю, но время нашел чтоб линию посмотреть (часов в 23 или в 7 утра). Паша даже не шевельнулся, *типа* телефон ему не нужен ... [Новые родственники — как уживаемся? (форум) (2008)];

³³ Е.В. Падучева, *Показатели чужой речи*, цит.

³⁴ В.Н. Волошинов, *Марксизм и философия языка* // М.М. Бахтин, *Фрейдизм, формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи*, М., Лабиринт, 2000, с. 459-460.

(58) Мне не нравится выражение лиц людей, которые ходят на концерты, допустим, Пендерецкого: *tuna* мы самые умные, а другим здесь не место... [Сергей Бирюков. Яна Чурикова: “Попсой можно быть в любом жанре” // Труд-7, 2011.2.24];

(59) Дыхнул в алкотестер, но результат инспектор мне даже не показал. Только лицо сделал страшное, *tuna* попал ты, брат... [Наш эксперимент: Пьяным за рулем могут признать любого водителя // Комсомольская правда, 2012.2.13];

(60) Она себя так ведёт / *tuna* / “Я вся из себя такая / фи-фи / моя кака не пахнет” [смех] [Ольга, жен, 15] Она мне сегодня на ногу наступила специально. [Катерина, жен, 15] Что / в натуре / что ль? И как это было? [Ольга, жен, 15] Короче / я иду в кабинет / она меня увидела / ход ускорила и наступила! Ещё и глянула так! [Катерина, жен, 15] Как? [Ольга, жен, 15] *Tuna* / “ой / не специально” / но я-то знаю / что специально [Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета, 2007].

(в) Паралингвистическое цитирование или фокус на репрезентацию?

Следующий тип употреблений, который мы назвали “паралингвистическое цитирование”, лишь условно можно отнести к цитированию. В отличие от предыдущего типа здесь отсутствует этап речевого воплощения. Говорящий воспроизводит, имитируя, поведение “цитируемого” лица (им может быть и сам говорящий). *Tuna* вводит мимитическую репрезентацию, которая может сопровождаться кратким вербальным описанием, как в (61) или лексическими показателями. Как, например, междометие *она* в (62) со значением неожиданного появления, которое может сочетаться с разными коммуникативными жестами (разведение рук, подпрыгивание и др.), или дейктическое сочетание *так это* в (63), предваряющее какой-либо демонстративный жест. Функцию *tuna* в таких контекстах можно рассматривать и как изобразительную. В (64) *tuna* предваряет акт иллюстрации, рисования в буквальном смысле. В качестве показателей, диагностирующих изобразительное употребление, могут выступать: указательные частицы *так*, *такой*, указательный комплекс *вот такой (вот)*, а также пауза, которая в реальной ситуации общения заполняется мимезисом. Приведем примеры:

(61) [Вася, муж] А я рядом сiju / ну он такой *tuna* на меня / на брата / на права... На меня / на брата / на права / и такой говорит... [Беседа на радио Next // Из коллекции НКРЯ, 2006];

(62) [№ 2, муж, 22] № 2. Она у тебя неожиданно появляется? *Tuna* так... Опа! Сессия [Разговор на улице между мужчиной и женщиной // практиканты, 2005];

(63) [Татьяна З., жен, 23] <...> когда мы были в Анапе в аквапарке / там летишь с этой горки / когда она заканчивается там... / если купальник раздельный / там у тебя в воде там это слетело / это слетело. Там вот хорошо / когда в бассейн... когда ну... падаешь / ты там в воде быстро поправился. Встал так это *tuna* / всё [Разговор о водных горках // Из коллекции НКРЯ, 2008];

(64) [Татьяна Дольник, жен, 63] Ему прислал какой-то коллега письмо / там / на конференцию очередную. Вот Виктора не пускали. И тогда они нарисовали / колба такая / в колбе сидит птица и заткнута пробкой. Ну *tuna*... [Смех] *Tuna* вот так... [Человек и птица. Зеленоградск (до 1945 г. – Кранц). Д/ф из цикла “Письма из провинции” // Т/к “Культура”, 2008].

III. Пояснение, конкретизация. *Tuna*-связка

В следующей группе употреблений *tuna* оформляет пояснительно-конкретизирующие отношения, выступая в роли связки между левой и правой частью высказывания. Правая часть, вводимая после *tuna*, представлена именем или фразовым сегментом, который дополняет левый сегмент: поясняет, конкретизирует, экзemplифицирует. В этом случае *tuna* синонимично и может быть заменено на: знак двоеточия, союзы *то есть* или *такой как*, слово *например*. Ср.:

(65) Причем / там тоже не просто напечатать / а написать по ролям / кто что говорит / всякие авторские ремарки делать / *tuna*: смеётся / молчит [Телефонные разговоры московских студентов (2008)];

(66) [Р.И., жен] Зачем тебе десятый класс? Я говорю/ “Ну/ я хочу пойти/ ну что это – восемь классов” / знаешь/—говорю. “Ну/ ладно”—согласился/ пустил меня/ – “Только смотри/ не балуйся там”. *Tuna*...ну/ это имелось в виду/ что с мальчиками там. Ну/ так он не мог мне прямо сказать/ там/ “с мальчиками не дружи” / у нас же вообще насчёт этого строго было [О жизни в Казахстане // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011];

(67) [Автор, жен] По образованию я экономист, но вот бухгалтерией не тянет заниматься, там *tuna* понабрать несколько фирм и т.д. довести до уровня бизнеса, прям мозг взрывается от одного слова бухгалтерия [коллективный. Форум: Есть девушки, которые желают открыть свой бизнес или открыли (2010-2013)].

В качестве экзemplификации характерно предъявление цитаты или устойчивых формулировок, ср.:

(68) Что еще меня поражает в Грузии, так это культура застолья. <...> Это не идет ни в какое сравнение с нашими скудными российскими речами, *tuna*: “Ну, со свиданием!”, “Ну, поехали!” или “Ну, за все хорошее!” [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991-2000)];

(69) Каких-то особых первоапрельских историй со мной никогда не происходило, в основном банальные шутки *tuna* “шнурки развязались”, “коленки сзади грязные” или “спина белая” [Собираемся занятием... ой! Занимаемся собиранием первоапрельских историй (2003) // “Встреча” (Дубна), 2003.4.2].

В примерах (70-72) в лаконичных, но емких авторских формулировках на пояснительно-экзemplифицирующее накладывается еще и характеризующее значение, отражающее, как правило, отрицательное, с оттенком иронии или скептицизма, отношение говорящего к объекту характеристики. Такая оценка вызвана типичностью, отсутствием ориги-

нальности, серийностью объектов известного рода (*светское событие, привилегии, компромиссы*). Удачным представляется предложение М. Вогеры называть такие употребления этикетизирующими ‘*labeling uses*’.³⁵ Возможна замена *tuna* на другое предложно-падежное сочетание с таксономическим термином *серия – из серии*, ср.:

(70) Это было настоящее светское событие, *tuna* “черный-галстук-голые-ключицы”, то есть в вечерних туалетах [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)];

(71) Ее так же мало развлекала привилегия дней рождения *tuna* цветы-шампанское-торт-коробочки, перевязанные ленточками [Дарья Симонова. Половецкие пляски (2002)];

(72) Как только начинаются компромиссы *tuna* “кусочек сыра/печенюшка/шоколадка/... диету кардинально не поменяют” – все, диета закончилась и началась ваше собственное творчество на тему вашего представления о том, что вам кушать можно, а что нельзя [коллективный. Диета Кима Протасова (2007-2010)].

Данные употребления пересекаются с цитатными. Можно предположить, что они являются компрессивными модификациями предложений вида:

(73) Вплыла небольшого роста шарообразная немка *из tuna*, про которую русский народ говорит: “Лихорадку беднягу било, – все кости вытрясло, а восемь пудов мякоти осталось” [А. В. Амфитеатров. Марья Лусьева (1903)].

Представляется, что связующее *tuna*, как и *tuna*-ксенопоказатель, постепенно развивается в дискурсивный маркер, регулирующий чередование реплик диалога, обеспечивающий его связность, тематическое и, возможно, просодическое единство. Характерно употребление *tuna* в вопросных репликах. В (74, 75) *tuna* открывает просьбу пояснить сказанное, при этом говорящий предлагает альтернативы, а в (76) – предваряет переформулировку вопроса:

(74) [Ночной продавец Даня, Павел Баршак, муж, 24, 1980] Я не пью. [Хозяин магазина, Вячеслав Разбегаев, муж, 39, 1965] *Tuna* на работе не пьёшь или совсем? [Валерий Рожнов. Ночной продавец, к/ф (2004)];

(75) [Яна, жен, 20] А там как всё происходит? *Tuna* народ за столиками сидит или тоже танцы до потери пульса? [Разговоры о музыке // Из коллекции НКРЯ, 2006];

(76) [ИЗ, жен] А вы ещё кому-то ещё подчиняетесь/ *tuna* вот... кто есть кроме них? [Беседа с директором музея // Из коллекции НКРЯ, 2009].

Таким образом, было выделено три семантико-функциональные макрогруппы: аппроксимация, цитирование и пояснение/ конкретизация,

³⁵ M. Voghera, *Da nome tassonomico a segnale discorsivo*, cit., p. 208.

в которых отмечаются частные функциональные подтипы. Лексико-грамматический статус *типа* остается неопределенным, точнее – неоднозначным: в разных значениях *типа* функционально сближается с предлогом, наречием или союзом. В качестве дискурсивного слова *типа* выступает в роли аппроксиматора; маркирует разные формы цитирования; регулирует динамику диалога, вводя обменную реплику, сигнализируя о передаче новой информации или развитии темы разговора; выполняет роль межфразовой скрепы. *Типа* как полифункциональный маркер обслуживает разные коммуникативные потребности говорящего. Проведенный анализ показывает, что одной из универсальных функций *типа*, проходящей практически через все типы употреблений, оказывается изобразительная. Эта дискурсивная функция выделилась на базе сравнительно-уподобительного значения *типа* в составе конструкций, основанных на предъявлении образца. Напомним также, что *типа* происходит от слова *тип* – ср. греч. τύπος – тип, отпечаток, форма, образец, а образец, как отмечает Н.Д. Арутюнова, легче показать, чем пересказать.³⁶ На основании рассмотренного языкового материала можно говорить о тенденции к специализации *типа* в качестве дискурсивного маркера фокуса внимания.

Рассмотренные употребления *типа* в разговорной речи обнаруживают очевидную аналогию с функциями орфографического знака кавычек в письменной речи. *Типа* пересекается с кавычками по следующим функциям (по Анне А. Зализняк): 1. Передача прямой речи; 2. Показатель чужого слова: нейтральная отсылка при цитировании; оценочная отсылка; ирония, т.е. употребление слова в противоположном смысле; “разоблачающее” и “полемическое” употребления; 3. Маркирование неконвенционального (непрямого) смысла; 4. Маркирование *ad hoc* номинации; 5. Выделительная функция привлечения внимания.

Проведенный анализ показал, что семантико-функциональная эволюция русского *типа* имеет отношение к универсальным процессам динамического развития языка и вписывается в кросс-лингвистическую модель грамматикализации/прагматикализации таксономических терминов, разделяя основные семантические и дискурсивные характеристики со своими аналогами в других языках (англ. *sort, kind, type*, франц. *genre*, швед. *typ*, португ. *tipo*, исп. *tipo*, ит. *specie, tipo*).³⁷

³⁶ Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, цит., с. 301.

³⁷ См. библиографические ссылки в сноске 4.